

АГУ БЕР МАН

Камерные
гарики

Игорь Губерман

Камерные гарики

«ЭКСМО»

Губерман И. М.

Камерные гарики / И. М. Губерман — «Эксмо»,

В сборник вошли стихотворения известного поэта Игоря Губермана.

© Губерман И. М.

© Эксмо

Содержание

ОБГУСЕВШИЕ ЛЕБЕДИ	5
ВСТУПЛЕНИЕ 1-е	5
ВСТУПЛЕНИЕ 2-е	7
БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ	8
БОРОДИНО ПОД ТЕЛЬ-АВИВ	10
КУХНЯ И САНДАЛИЙ	12
ПРО ТАЧАНКУ	15
МОНТИГОМО	18
СЕМЕЙНЫЙ ВЕЧЕР	22
ТЮРЕМНЫЙ ДНЕВНИК	25
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Игорь Губерман

Камерные гарики

Моей жене Тате – с любовью и благодарностью

ОБГУСЕВШИЕ ЛЕБЕДИ

*Благодарю тебя, Создатель,
что сишит не юбочно, а брючно,
что многих дам я был приятель,
но уходил благополучно.*

*Благодарю тебя, Творец,
за то, что думать стал я рано,
за то, что к водке огурец
ты посылал мне постоянно.*

*Благодарю тебя, Всевышний,
за все, к чему я привязался,
за то, что я ни разу лишний
в кругу друзей не оказался.*

*И за тюрьму благодарю,
она во благо мне явилась,
она разбила жизнь мою
на разных две, что тоже милость.*

*И одному тебе спасибо,
что держишь меру тьмы и света,
что в мире дьявольски красиво
и мне доступно видеть это.*

ВСТУПЛЕНИЕ 1-е

Прекрасна улица Тверская,
где часовая мастерская.
Там двадцать пять евреев лысых
сидят – от жизни не зависят.
Вокруг общественность бежит,
и суета сует кружит;
гниют и рушатся режимы,
вожди летят неудержимо;
а эти белые халаты
невозмутимы, как прелаты,
в апофеозе постоянства
среди кишящего пространства.
На верстаки носы нависли,
в глазах – монокли,

в пальцах – мысли;
среди пружин и корпусов,
давно лишившись волосов,
сидят незбылемо и вечно,
поскольку Время – бесконечно.

ВСТУПЛЕНИЕ 2-е

В деревне, где крупа пшено
растет в полях зеленым просом,
где пользой ценится гавно,
а чресла хряков – опоросом,
я не бывал.
Разгул садов,
где вслед за цветом – завязь следом
и зрелой тяжестью плодов
грузнеют ветви,
мне неведом.
Далеких стран, чужих людей,
иных обычаев и веры,
воров, мыслителей, блядей,
пустыни, горы, интерьеры
я не видал.
Морей рассол
не мыл мне душу на просторе;
мне тачкой каторжника – стол
в несвежей городской конторе.
Но вечерами я пишу
в тетрадь стихи,
то мглой, то пылью
дышу,
и мирозданья шум
гудит во мне, пугая Цилю.
Пишу для счастья, не для славы,
бумага держит, как магнит,
летит перо, скрипят суставы,
душа мерцает и звенит.
И что сравнится с мигом этим,
когда порыв уже затих
и строки сохнут? Вялый ветер,
нездешний ветер сушит их.

БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ

Это жуткая работа!
Ветер воет и гремит,
два еврея тянут шкоты,
как один антисемит.

* * *

А на море, а на море!
Волны ходят за кормой,
жарко Лева, потно Боре,
очень хочется домой.

* * *

Но летит из урагана
черный флаг и паруса:
восемь Шмулей, два Натана,
у форштевня Исаак.

* * *

И ни Бога нет, ни черта!
Сшиты снасти из портьер;
яркий сурик вдоль по борту:
«ФИМА ФИШМАН,
ФЛИБУСТЬЕР».

* * *

Выступаем! Выступаем!
Вся команда на ногах,
и написано «ЛЕ ХАИМ»
на спасательных кругах.

* * *

К нападению все готово!
На борту ажиотаж:
– Это ж Берчик! Это ж Лева!
– Отмените абордаж!

* * *

– Боже, Лева! Боже, Боря!

– Зай гезунд! – кричит фрегат;
а над лодкой в пене моря
ослепительный плакат:

* * *

«Наименьшие затраты!
Можно каждому везде!
Страхование пиратов
от пожара на воде».

* * *

И опять летят, как пули,
сами дуют в паруса
застрахованные Шмули,
обнадеженный Исаак.

* * *

А струя – светлей лазури!
Дует ветер. И какой!
Это Берчик ищет бури,
будто в буре есть покой.

БОРОДИНО ПОД ТЕЛЬ-АВИВ

Во снах существую и верю я,
и дышится легче тогда;
из Хайфы летит кавалерия,
насквозь проходя города.
Мне снится то ярко, то слабо,
кошмары бессонницей мстят;
на дикие толпы арабов
арабские кони летят.

* * *

Под пенье пуль,
взметающих зарницы
кипящих фиолетовых огней,
ездовый Шмульт
впрягает в колесницу
хрипящих от неистовства коней.
Для грамотных полощется, волнуя,
ликующий обветренный призыв:
«А идише! В субботу не воюем!
До пятницы захватим Тель-Авив!»

* * *

Уже с конем в одном порыве слился
нигде не попадающий впросак
из Жмеринки отважный Самуилсон,
из Ганы недоеденный Исаак.
У всех носы, изогнутые властно,
и пейсы, как потребовал закон;
свистят косые сабли из Дамаска,
поет «индрерд!» походный саксофон.

* * *

Черняв и ловок, старшина пехоты
трофейный пересчитывает дар:
пятьсот винтовок, сорок пулеметов
и обуви пятнадцать тысяч пар.
Над местом боя солнце стынет,
из бурдюков течет вода,
в котле щемяще пахнет цимес,
как в местечковые года.
Ветеринары боевые
на людях учатся лечить,

бросают ружья часовые,
Талмуд уходят поучить.
Повсюду с винным перегаром
перемешался легкий шум;
«Скажи-ка, дядя, ведь не даром...» —
поет веселый Беня Шуб.

* * *

Бойцы вспоминают минувшие дни
и талес, в который рядились они.

* * *

А утром, в оранжевом блеске,
по телу как будто ожог;
отрывисто, властно и резко
тревогу сыграет рожок.

* * *

И снова азартом погони
горячие лица блестят;
седые арабские кони
в тугое пространство летят.

* * *

Мы братья – по пеплу и крови.
Отечеству верно служа,
мы – русские люди,
но наш могоидовид
пришит на запасный пиджак.

КУХНЯ И САНДАЛИЙ

Все шептались о скандале.
Кто-то из посуды
вынул Берчкин сандалий.
Пахло самосудом.

* * *

Кто-то свистнул в кулак,
кто-то глухо ухнул;
во главе идет Спартак
Менделевич Трухман.

* * *

Он подлец! А мы не знали.
Он зазвал и пригласил
в эту битву за сандалий
самых злостных местных сил.

* * *

И пошла такая свалка,
как у этих дурачков.
Никому уже не жалко
ни здоровья, ни очков.

* * *

За углом, где батарея,
перекупщик Пиня Вайс
мял английского еврея
Соломона Экзерсайс.

* * *

Обнажив себя по пояс,
как зарезанный крича,
из кладовой вышел Двойрис
и пошел рубить сплеча.

* * *

Он друзьям – как лодке руль.
Это гордость наша.

От рожденья имя – Сруль,
а в анкете – Саша.

* * *

Он худой как щепочка,
щупленький как птенчик,
сзади как сурепочка,
спереди как хренчик.

* * *

Но удары так и сыпет!
Он повсюду знаменит,
в честь его в стране Египет
назван город Поц-Аид.

* * *

Он упал, поднялся снова,
воздух мужеством запах;
«Гиб а кук! – рыдали вдовы. —
Не топчите Сруля в пах!..»

* * *

Но – звонок и тишина...
И над павшим телом —
участковый старшина
Фима Парабеллум.

* * *

...Сладкий цимес – это ж прелесть!
А сегодня он горчит.
В нем искусственная челюсть
деда Слуцкера торчит.

* * *

Все разбито в жуткой драке,
по осколкам каждый шаг,
и трусливый Леня Гаккель
из штанов достал дуршлаг.

* * *

За оторванную пейсу
кто-то стонет, аж дрожит;
на тахте у сводни Песи
Сруль растерзанный лежит.

* * *

Он очнулся и сказал:
«Зря шумел скандальчик:
я ведь спутал за сандал
жареный сазанчик».

ПРО ТАЧАНКУ

Ты лети с дороги, птица!
Зверь, с дороги – уходи!
Видишь – облако клубится?
Это маршал впереди.

* * *

Ровно выются портупей,
мягко пляшут рысаки;
все буденновцы – евреи,
потому что – казаки.

* * *

Подойдите, поглядите,
полюбуйтесь на акцент:
маршал Сема наш водитель,
внепартийный фармацевт.

* * *

Бой копыт, как рокот грома,
алый бархат на штанах;
в синем шлеме – красный Шлема,
стройный Сруль на стремях...

* * *

Конармейцы, конармейцы
на неслыханном скаку —
сто буденновцев при пейзах,
двести сабель на боку.

* * *

А в седле трубач горбатый
диким пламенем горит,
и несет его куда-то,
озаряя изнутри.

* * *

Он сидит, смешной и хлипкий,
наплевавший на судьбу,

он в местечке бросил скрипку,
он в отряд принес трубу.

* * *

И ни звать уже, ни трогать,
и сигнал уже вот-вот...
Он возносит острый локоть
и растет, растет, растет...

* * *

Ну, а мы-то? Мы ж потомки!
Рюмки сходятся, звеня,
будто брошены котомки
у походного огня.

* * *

Курим, пьем, играем в карты,
любим женщин сгоряча,
обещанием инфаркта
колет сердце по ночам.

* * *

Но закрой глаза плотнее,
отвори мечте тропу...
Едут конные евреи
по ковыльному степу...

* * *

Бьет колесами тачанка,
конь играет, как дельфин;
а жена моя – гречанка!
Циля Глезер из Афин!

* * *

Цилин предок – не забудь! —
он служил в аптеке.
Он прошел великий путь
из евреев в греки...

* * *

Дома ждет меня жена;
плача, варит курицу.
Украинская страна,
жмеринская улица...

* * *

Так пускай звенит посуда,
разлетаются года,
потому что будут, будут,
будут битвы – таки да!..

* * *

Будет пыльная дорога
по дымящейся земле,
с красным флагом синагога
в белокаменном селе.

* * *

Дилетант и бабник Мойше
барабан ударит в грудь;
будет все! И даже больше
на немножечко чуть-чуть...

МОНТИГОМО НЕИСТРЕБИМЫЙ КОГАН

*На берегах Амазонки в середине нашего века было обнаружено
племя дикарей, говорящих на семитском диалекте. Их туземной жизни
посвящается поэма.*

Идут высокие мужчины,
по ветру бороды развеяв;
тут первобытная община
доисторических евреев.

* * *

Законы джунглей, лес и небо,
насквозь прозрачная река...
Они уже не сеют хлеба
и не фотографии пока.

* * *

Они стреляют фиш из лука
и фаршируют, не спеша;
а к синагоге из бамбука
пристройка есть – из камыша.

* * *

И в ней живет – без жен и страха —
религиозный гарнизон:
Шапиро – жрец, Гуревич – знахарь
и дряхлый резник Либензон.

* * *

Его повсюду кормят, любят —
он платит службой и добром:
младенцам кончики он рубит
большим гранитным топором.

* * *

И жены их уже не знают,
свой издавая первый крик,
что слишком длинно обрубает
глухой завистливый старик...

* * *

Они селились берегами
вдали от сумрака лиан,
где бродит вепрь – свинья с рогами, —
и стонут самки обезьян.

* * *

Где конуса клопов-термитов,
белеют кости беглых коз,
и дикари-антисемиты
едят евреев и стрекоз.

* * *

Где горы Анды, словно Альпы,
большая надпись черным углем:
«Евреи! Тут снимают скальпы!
Не заходите в эти джунгли!»

* * *

Но рос и вырос дух бунтарский,
и в сентябре, идя ва-банк,
собрал симпозиум дикарский
народный вождь Арон Гутанг.

* * *

И пел им песни кантор Дымшиц,
и каждый внутренне горел;
согнули луки и, сложившись,
купили очень много стрел.

* * *

...Дозорный срезан. Пес – не гавкнет.
По джунглям двинулся как танк
бананоносый Томагавкер
и жрец-раскольник Бумеранг.
В атаке нету Мордехая,
но сомкнут строй, они идут;
отчизну дома оставляя,
семиты – одного не ждут!
А Мордехай – в нем кровь застыла —

вдоль по кустам бежал, дрожа,
чем невзначай подкрался с тыла,
антисемитов окружа...
Бой – до триумфа – до обеда!
На час еды – прощай, война.
Евреи – тоже людоеды,
когда потребует страна.

* * *

Не верьте книгам и родителям.
История темна, как ночь.
Колумб (Аид), плевав на Индию,
гнал каравеллы, чтоб помочь.
Еврейским занявшись вопросом,
Потемкин, граф, ушел от дел;
науки бросив, Ломоносов
Екатерину поимел.
Ученый, он боялся сплетен
и только ночью к ней ходил.
Старик Державин их заметил
и, в гроб сходя, благословил.
В приемных Рима подогретый,
крестовый начался поход;
Вильям Шекспир писал сонеты,
чтоб накопить на пароход.

* * *

...Но жил дикарь – с евреем рядом.
Века стекали с пирамид.
Ассимилировались взгляды.
И кто теперь антисемит?

* * *

Хрустят суставы, гнутся шеи,
сражение близится к концу,
и два врага, сойдясь в траншее,
меняют сахар на мацу.

* * *

В жестокой схватке рукопашной
ждала победа впереди.
Стал день сегодняшний – вчерашним;
никто часов не заводил.

* * *

И эта мысль гнала евреев,
она их мучила и жгла:
ведь если не смотреть на время,
не знаешь, как идут дела.

* * *

А где стоят часы семитов,
там время прекращает бег;
в лесу мартышек и термитов
пещерный воцарился век.

* * *

За пищей вглубь стремясь податься,
они скрывались постепенно
от мировых цивилизаций
и от культурного обмена.

* * *

И коммунизм их – первобытен,
и в шалашах – портрет вождя,
но в поступательном развитии
эпоху рабства обойдя,
и локоть к локтю, если надо,
а если надо, грудь на грудь,
в коммунистических бригадах
к феодализму держат путь...

СЕМЕЙНЫЙ ВЕЧЕР

Мы все мучительно похожи.
Мы то знакомы, то – родня.
С толпой сливается прохожий —
прямая копия меня.

* * *

Его фигура и характер
прошли кручение и излом;
он – очень маленький бухгалтер
в большой конторе за углом.

* * *

Он опоздал – теперь скорее!
Кино, аптека, угол, суд...
А Лея ждет и снова греет
который раз остывший суп.

* * *

Толпа мороженщиц Арбата,
кафе, сберкасса, магазин...
Тут бегал в школу сын когда-то,
и незаметно вырос сын...

* * *

Но угнали Моисея
от родных и от друзей!..
Мерзлоту за Енисеем
бьет лопатой Моисей.

* * *

Долбит ломом, и природа
покоряется ему;
знает он, что враг народа,
но не знает – почему.

* * *

Ожиданьем душу греет,
и – повернут ход событий:

«Коммунисты и евреи!
Вы свободны. Извините»...

* * *

Но он теперь живет в Тюмени,
где даже летом спит в пальто,
чтоб в свете будущих решений
теплее ехать, если что...
Рувим спешит. Жена – как свечка!
Ей говорил в толпе народ,
когда вчера давали гречку,
что будто якобы вот-вот,
кого при культе награждали,
теперь не сносит головы;
а у Рувима – две медали
восемьсотлетия Москвы!

* * *

А значит – светит путь неблизкий,
где на снегу дымят костры;
и Лея хочет в Сан-Франциско,
где у Рувима три сестры.

* * *

Она боится этих сплетен,
ей страх привычен и знаком...
Рувим, как радио, конкретен,
Рувим всеведущ, как райком:

* * *

«Ах, Лея, мне б твои заботы!
Их Сан-Франциско – звук пустой;
ни у кого там нет работы,
а лишь один прогнивший строй!

* * *

И ты должна быть рада, Лея,
что так повернут шар земной:
американские евреи —
они живут вниз головой!»

* * *

И Лея слушает, и верит,
и сушит гренки на бульон,
и не дрожит при стуке в двери,
что постучал не почтальон...

* * *

Уходит день, вползает сумрак,
теснясь в проем оконных рам;
концерт певицы Имы Сумак
чрево вещает им экран.

* * *

А он уснул. Ступни босые.
Пора ложиться. Ленъ вставать.
«Литературную Россию»
жена подаст ему в кровать.

* * *

62 – 67 гг.

ТЮРЕМНЫЙ ДНЕВНИК

*Во что я верю, жизнь любя?
Ведь невозможно жить, не веря.
Я верю в случай, и в себя,
и в неизбежность стука в двери.
77 год*

*Я взял табак, сложил белье —
к чему ненужные печали?
Сбылось пророчество мое,
и в дверь однажды постучали.
79 год*

* * *

Друзьями и покоем дорожи,
люби, покуда любится, и пей,
живущие над пропастью во лжи
не знают хода участи своей.

* * *

И я сказал себе: держись,
Господь суров, но прав,
нельзя прожить в России жизнь,
тюрьмы не повидав.

* * *

Попавшись в подлую ловушку,
сменив невольно место жительства,
кормлюсь, как волк, через кормушку
и охраняюсь, как правительство.

* * *

Свою тюрьму я заслужил.
Года любви, тепла и света
я наслаждался, а не жил,
и заплатить готов за это.

* * *

Серебра сигаретного пепла
накопился бы холм небольшой

за года, пока зрело и крепло
все, что есть у меня за душой.

* * *

Когда нам не на что надеяться
и Божий мир не мил глазам,
способна сущая безделица
пролиться в душу как бальзам.

* * *

Среди воров и алкоголиков
сiju я в каменном стакане,
и незнакомка между столиков
напрасно ходит в ресторане.
Дыша духами и туманами,
из кабака идет в кабак
и тихо плачет рядом с пьяными,
что не найдет меня никак.

* * *

В неволе зависть круче тлеет
и злее травит бытие;
в соседней камере светлее,
и воля ближе из нее.

* * *

Думаю я, глядя на собрата —
пьяницу, подонка, неудачника, —
как его отец кричал когда-то:
«Мальчика! Жена родила мальчика!»

* * *

Несчастья освежают нас и лечат
и раны присыпают слоем соли;
чем ниже опускаешься, тем легче
дальнейшее наращиванье боли.

* * *

На крайности последнего отчаянья
негаданно-нежданно всякий раз
нам тихо улыбается случайная

надежда, оживляющая нас.

* * *

Страны моей главнейшая опора —
не стройки сумасшедшего размаха,
а серая стандартная контора,
владеющая ниточками страха.

* * *

Тлетворной мы пропитаны смолой
апатии, цинизма и безверия.
Связавши их порукой круговой,
на них, как на китах, стоит империя.

* * *

Как же преуспели эти суки,
здесь меня гоняя, как скотину,
я теперь до смерти буду руки
при ходьбе закладывать за спину.

* * *

Повсюду, где забава и забота,
на свете нет страшнее ничего,
чем цепкая серьезность идиота
и хмурая старательность его.

* * *

Здесь радио включают, когда бьют,
и музыкой притушенные крики
звучат как предъявляемые в суд
животной нашей сущности улики.

* * *

Томясь тоской и сомнением,
не сетуй все, милый мой,
жизнь постижима лишь в сравнении
с болезнью, смертью и тюрьмой.

* * *

Плевать, что небо снова в тучах

и гнет в тоску блажная высь,
печаль души врачует случай,
а он не может не найтись.

* * *

В объятьях водки и режима
лежит Россия недвижимо,
и только жид, хотя дрожит,
но по веревочке бежит.

* * *

Еда, товарищи, табак,
потом вернусь в семью;
я был бы сволочь и дурак,
ругая жизнь мою.

* * *

Я заметил на долгом пути,
что, работу любя беззаветно,
палачи очень любят шутить
и хотят, чтоб шутили ответно.

* * *

Из тюрьмы ощутил я страну —
даже сердце на миг во мне замерло —
всю подряд в ширину и длину
как одну необъятную камеру.

* * *

Бог молча ждет нас. Боль в груди.
Туман. Укол. Кровать.
И жар тоски, что жил в кредит
и нечем отдавать.

* * *

Я ночью просыпался и курил,
боясь, что то же самое приснится:
мне машет стая тысячами крыл,
а я с ней не могу соединиться.

* * *

Прихвачен, как засосанный в трубу,
я двигаюсь без жалобы и стога,
теперь мою дальнейшую судьбу
решит пищеварение закона.

* * *

Прощай, удача, мир и нега!
Мы привыкаем ко всему;
от невозможности побега
я полюбил свою тюрьму.

* * *

У жизни человеческой на дне,
где мерзости и боль текущих бед,
есть радости, которые вполне
способны поддержать душевный свет.

* * *

Там, на утраченной свободе,
в закатных судорогах дня
ко мне уныние приходит,
а я в тюрьме, и нет меня.

* * *

Империи летят, хрустят короны,
история вершит свой самосуд,
а нам сегодня дали макароны,
а завтра – передачу принесут.

* * *

Когда уходит жить охота
и в горло пища не идет,
какое счастье знать, что кто-то
тебя на этом свете ждет.

* * *

Здесь жестко стелется кровать,
здесь нет живого шума,

в тюрьме нельзя болеть и ждать,
но можно жить и думать.

* * *

Что я понял с тех пор, как попался?
Очень много. Почти ничего.
Человеку нельзя без пространства,
и пространство мертво без него.

* * *

Мой ум имеет крайне скромный нрав,
и наглость мне совсем не по карману,
но если положить, что Дарвин прав,
то Бог создал всего лишь обезьяну.

* * *

Мы жизни наши ценим
слишком низко,
меж тем как, то медвяная, то деготь,
история течет настолько близко,
что пальцами легко ее потрогать.

* * *

Я теперь вкушаю винегрет
сетований, ругани и стонов,
принят я на главный факультет
университета миллионов.

* * *

С годами жизнь пойдет налаженной
и все забудется, конечно,
но хрип ключа в замочной скважине
во мне останется навечно.

* * *

В любом из нас гармония живет
и в поисках, во что ей воплотиться,
то бьется, как прихваченная птица,
то пляшет и невнятицу поет.

* * *

Не знаю вида я красивей,
чем в час, когда вошла луна
в тюремной камере в России
зимой на волю из окна.

* * *

Для райского климата райского сада,
где все зеленеет от края до края,
тепло поступает по трубам из ада,
а топливо ада – растительность рая.

* * *

Россия безнадежно и отчаянно
сложилась в откровенную тюрьму,
где бродят тени Авеля и Каина
и каждый сторож брату своему.

* * *

Был юн и глуп, ценил я сложность
своих знакомых и подруг,
а после стал искать надежность,
и резко сузился мой круг.

* * *

Душа предметов призрачна с утра,
мертва природа стульев и буфетов,
потом приходит сумерек пора,
и зыбко оживает мир предметов.

* * *

Из тюрьмы собираюсь я вновь
по пути моих предков-скитальцев;
увезу я отсюда любовь,
а оставлю оттиски пальцев.

* * *

Последняя ночная сигарета
потрескивает искрами костра,

комочек благодарственного света
домашним, кто прислал его вчера.

* * *

Бывает в жизни миг зловещий —
как чувство чуждого присутствия —
когда тебя коснутся клещи
судьбы, не знающей сочувствия.

* * *

Устал я жить как дилетант,
я гласу Божескому внемлю
и собираюсь свой талант
навек зарыть в Святую землю.

* * *

В неволе все с тобой на «ты»,
но близких вовсе нет кругом,
в неволе нету темноты,
но даже свет зажжен врагом.

* * *

Судьба мне явно что-то роет,
сiju на греющемся кратере,
мне так не хочется в герои,
мне так охота в обыватели!

* * *

Допрос был пустой, как ни бились...
Вернулся на жесткие нары.
А нервы сейчас бы сгодились
на струны для лучшей гитары.

* * *

В беде я прелесть новизны
нашел, утратив спесь,
и, если бы не боль жены,
я был бы счастлив здесь.

* * *

Не тем страшна глухая осень,
что выпвел, вянешь и устал,
а что уже под сердцем носим
растущий холода кристалл.

* * *

Сколько силы, тюрьма, в твоей хватке!
Мне сегодня на волю не хочется,
словно ссохлась душа от нехватки
темноты, тишины, одиночества.

* * *

Не требуют от жизни ничего
российского Отечества сыны,
счастливые незнанием того,
чем именно они обделены.

* * *

Когда судьба, дойдя до перекрестка,
колеблется, куда ей повернуть,
не бойся неназойливо, но жестко
слегка ее коленом подтолкнуть.

* * *

Разгульно, раздольно, цветисто,
стремясь догореть и излиться,
эпохи гниют живописно,
но гибельно для очевидца.

* * *

Зачем в герое и в ничтожестве
мы ищем сходства и различия?
Ища величия в убожестве.
Познав убожество величия.

* * *

В России слезы светятся сквозь смех,
Россию Бог безумием карал,

России послужили больше всех
те, кто ее сильнее презирал.

* * *

Я стараюсь вставать очень рано
и с утра для душевной разминки
сыплю соль на душевные раны
и творю по надежде поминки.

* * *

Впервые жизнь явилась мне
всей полнотой произведения:
у бытия на самом дне —
свои высоты и падения.

* * *

С утра на прогулочном дворике
лежит свежавыпавший снег
и выглядит странно и горько,
как новый в тюрьме человек.

* * *

Грабительство, пьяная драка,
раскража казенного груза...
Как ты незатейна, однако,
российской преступности Муза!

* * *

Сижу пока под следственным давлением
в одном из многих тысяч отделений;
вдыхают прокуроры с вожделием
букет моих кошмарных преступлений.

* * *

В тюрьме я учился по жизням соседним,
сполна просветившись догадкой главной,
что надо делиться заветным
последним —
для собственной пользы, неясной,
но явной.

* * *

Жаль мне тех, кто тюрьмы не изведal,
кто не знает ее сновидений,
кто не слышал неспешной беседы
о бескрайностях наших падений.

* * *

Тюремная келья, монашеский пост,
за дверью солдат с автоматом,
и с утренних зорь
до полуночных звезд —
молитва, творимая матом.

* * *

Вокруг себя едва взгляну,
с тоскою думаю холодной:
какой кошмар бы ждал страну,
где власть и впрямь была народной.

* * *

В тюрьме я в острых снах переживаю
такую беготню по приключениям,
как будто бы сгущенно проживаю
то время, что убито заключением.

* * *

Когда уход из жизни близок,
хотя не тотчас, не сейчас,
душа, предощущая вызов,
духовней делается в нас.

* * *

Не потому ли мне так снятся
лихие сны почти все ночи,
что Бог позвал меня на танцы,
к которым я готов не очень?

* * *

Всмотревшись пристрастно

и пристально,
я понял, что надо спешить,
что жажда покоя и пристани
вот-вот помешает мне жить.

* * *

У старости есть мания страдать
в томительном полночном наваждении,
что попусту избыта благодать,
полученная свыше при рождении.

* * *

Не лезь, мой друг, за декорации —
зачем ходить потом в обиде,
что благороднейшие грации
так безобразны в истом виде.

* * *

Вчера сосед по нарам взрезал вены;
он смерти не искал и был в себе,
он просто очень жаждал перемены
в своей остановившейся судьбе.

* * *

Я скепсисом съеден и дымом пропитан,
забыта весна и растрчено лето,
и бочка иллюзий пуста и разбита,
а жизнь — наслаждение, полное света.

* * *

Я что-то говорю своей жене,
прищурившись от солнечного глянца,
а сын, поймав жука, бежит ко мне.
Такие сны в тюрьме под утро снятся.

* * *

Вот и кости ломит в непогоду,
хрипы в легких чаще и угарней;
возвращаясь в мертвую природу,
мы к живой добрей и благодарней.

* * *

Все, что пропустил и недоделал,
все, чем по-дурацки пренебрег,
в памяти всплывает и умело
ночью прямо за душу берет.

* * *

Блажен, кто хлопотлив и озабочен
и ночью видит сны, что снова день,
и крутится с утра до поздней ночи,
ловя свою вертящуюся тень.

* * *

Где крыша в роли небосвода —
свой дух, свой быт, своя зима,
своя печаль, своя свобода
и даже есть своя тюрьма.

* * *

Мое безделье будет долгим,
еще до края я не дожил,
а те, кто жизнь считает долгом,
пусть объяснят, кому я должен.

* * *

Наклонись, философ, ниже,
не дрожи, здесь нету бесов,
трюмы жизни пахнут жижей
от общественных процессов.

* * *

Курилки, подоконники, подъезды,
скамейки у акаций густолистных —
все помощи там были безвозмездны,
все мысли и советы бескорыстны.
Теперь, когда я взвешиваю слово
и всякая наивность неуместна,
я часто вспоминаю это снова:
курилки, подоконники, подъезды.

* * *

Чуть пожил – и нет меня на свете —
как это диковинно, однако;
воздух пахнет сыростью, и ветер
воет над могилой, как собака.

* * *

Весной я думаю о смерти.
Уже нигде. Уже никто.
Как будто был в большом концерте
и время брать внизу пальто.

* * *

По камере то вдоль, то поперек,
обдумывая жизнь свою, шагаю
и каждый возникающий упрек
восторженно и жарко отвергаю.

* * *

В неволе я от сытости лечился,
учился полувзгляды понимать,
с достоинством проигрывать учился
и выигрыш спокойно принимать.

* * *

Тюрьмой сегодня пахнет мир земной,
тюрьма сочится в души и умы,
и каждый, кто смиряется с тюрьмой,
становится строителем тюрьмы.

* * *

Ветреник, бродяга, вертопрах,
слушавшийся всех и никого,
лишь перед неволей знал я страх,
а теперь лишился и его.

* * *

В тюрьме, где ощутил свою ничтожность,
вдруг чувствуешь, смятение тая,

бессмысленность, бесцельность,
безнадежность
и дикое блаженство бытия.

* * *

Тюрьмою наградила напоследок
меня отчизна-мать, спасибо ей,
я с радостью и гордостью изведаль
судьбу ее не худших сыновей.

* * *

Когда, убогие калеки,
мы устаем ловить туман,

* * *

какое счастье знать, что реки
впадут однажды в океан.

* * *

Здесь ни труда, ни алкоголя,
а большинству беда втройне —
еще и каторжная доля
побыть с собой наедине.

* * *

Напрасны страх, тоска и ропот,
когда судьба влечет во тьму;
в беде всегда есть новый опыт,
полезный духу и уму.

* * *

А часто в час беды, потерь и слез,
когда несчастья рыщут во дворе,
нам кажется, что это не всерьез,
что вон уже кричат – конец игре.

* * *

Всю жизнь я больше созерцал,
а утруждался очень мало,
светильник мой, хотя мерцал,

но сквозь бутыл и вполнакала.

* * *

Года промчатся быстрой ланью,
укроет плоть суглинка пласт,
и Бог-отец могучей дланью
моей душе по жопе даст.

* * *

В тюрьму я брошен так давно,
что сжился с ней, признаться честно;
в подвалах жизни есть вино,
какое воле неизвестно.

* * *

Какое это счастье: на свободе
со злобой и обидой через грязь
брести домой по мерзкой непогоде
и чувствовать, что жизнь не удалась.

* * *

Глаза упавшего коня,
огромный город без движения,
помойный чан при свете дня —
моей тюрьмы изображение.

* * *

Стихов довольно толстый томик,
отмычку к райским воротам,
а также свой могильный холмик
меняю здесь на бабу там!

* * *

В тюрьме вечерами сидишь молчаливо
и очень на нары не хочется лезть,
а хочется мяса, свободы и пива
и изредка — славы, но чаще — поесть.

* * *

В наш век искусственного меха

и нефтью пахнувшей икры
нет ничего дороже смеха,
любви, печали и игры.

* * *

Тюрьма – не только боль потерь.
Источник темных откровений,
тюрьма еще окно и дверь
в пространство новых измерений.

* * *

В тюрьму посажен за грехи
и сторожимый мразью разной,
я душу вкладывал в стихи,
а их носил под пяткой грязной.

* * *

И по сущности равные шельмы,
и по глупости полностью схожи
те, кто хочет купить подешевле,
те, кто хочет продать подороже.

* * *

Взломщики, бандиты, коммунары,
взяточники, воры и партийцы —
сотни тел полировали нары,
на которых мне сейчас не спится.
Тени их проходят предо мною
кадрами одной кошмарной серии,
и волной уходят за волною
жертвы и строители империи.

* * *

Все дороги России – беспутные,
все команды в России – пожарные,
все эпохи российские – смутные,
все надежды ее – лучезарные.

* * *

Меня не оставляет ни на час
желание кому-то доказать,

что беды, удручающие нас,
на самом деле тоже благодать.

* * *

Божий мир так бестрепетно ясен
и, однако, так сложен притом,
что никак и ничуть не напрасен
страх и труд не остаться скотом.

* * *

На улице сейчас – как на душе:
спокойно, ясно, ветрено немного,
и жаль слегка, что главная дорога,
по-видимому, пройдена уже.

* * *

Есть еле слышный голос крови,
наследства предков тонкий глас,
он сводит или прекословит,
когда судьба сближает нас.

* * *

Нет, не судьба творит поэта,
он сам судьбу свою творит,
судьба – платежная монета
за все, что вслух он говорит.

* * *

Вослед беде идет удача,
а вслед удачам – горечь бед;
мир создан так, а не иначе,
и обижаться смысла нет.

* * *

Живущий – улыбайся в полный рот
и чаще пей взбодряющий напиток;
в ком нет веселья – в рай не попадет,
поскольку там зануд уже избыток.

* * *

Последнюю в себе сломив твердыню
и смыв с лица души последний грим,
я, Господи, смирил свою гордыню,
смири теперь свою – поговорим.

* * *

Я глубже начал видеть пустоту,
и чавкающей грязи плодородность,
и горечь, что питает красоту,
и розовой невинности бесплодность.

* * *

Искрение, честность, метание,
нелепости взрывчатой смелости —
в незрелости есть обаяние,
которого нету у зрелости.

* * *

Чем нынче занят? Вновь и снова
в ночной тиши и свете дня
я ворошу золу бывшего,
чтоб на сейчас найти огня.

* * *

Как никакой тяжелый час,
как никакие зной и холод,
насквозь просвечивает нас
рентген души – тюремный голод.

* * *

Нет, не бездельник я, покуда голова
работает над пряжей певучей;
я в реки воду лью,
я в лес ношу дрова,
я ветру дую вслед, гоняя тучи.

* * *

Вот человек. Лицо и плечи.

Тверда рука. Разумна речь.
Он инженер. Он строил печи,
чтобы себе подобных жечь.

* * *

Не страшно, а жаль мне подонка,
пуглив его злобный оскал,
похожий на пса и ребенка,
он просто мужчиной не стал.

* * *

У прошлого есть запах, вкус и цвет,
стремление учить, влиять и значить,
и только одного, к несчастью, нет —
возможности себя переиначить.

* * *

Двуногим овцам нужен сильный пастырь.
Чтоб яростен и скор. Жесток и ярок.
Но изредка жалел и клеил пластырь
на раны от зубов его овчарок.

* * *

Не спорю, что разум, добро и любовь
движение мира ускорили,
но сами чернила истории – кровь
людей, непричастных к истории.

* * *

Соблазн тюремных искушений
однообразен, прям и прост:
избегнуть боли и лишений,
но завести собачий хвост.

* * *

Пока я немного впитал с этих стен,
их духом омыт не вполне,
еще мне покуда больнее, чем тем,
кого унижают при мне.

* * *

До края дней теперь удержится
во мне рожденная тюрьмой
беспечность узников и беженцев,
уже забывших путь домой.

* * *

По давней наблюдательности личной
забавная печальность мне видна:
гавно глядит на мир оптимистичней,
чем те, кого воротит от гавна.

* * *

В столетии ничтожном и великом,
дивясь его паденьям и успехам,
топчусь между молчанием и криком,
мечусь между стенанием и смехом.

* * *

Течет апрель, водой звеня,
мир залит воздухом и светом;
мой дом печален без меня,
и мне приятно знать об этом.

* * *

Боюсь, что враг душевной смуты,
не мизантроп, но нелюдим,
Бог выключается в минуты,
когда Он нам необходим.

* * *

Везде, где наш рассудок судит верно,
выходит снисхождение и милость;
любая справедливость милосердна,
а иначе она не справедливость.

* * *

Вот небо показалось мне с овчину,
и в пятки дух от ужаса сорвался,

и стал я пробуждать в себе мужчину,
однако он никак не отзывался.

* * *

Я уношу, помимо прочего,
еще одно тюрьмы напутствие:
куда трудней, чем одиночество,
его немолчное отсутствие.

* * *

Не во тьме мы оставим детей,
когда годы сведут нас на нет;
время светится светом людей,
много лет как покинувших свет.

* * *

Неощутим и невесом,
тоской бесплотности несомый,
в тюрьму слетает частый сон
о жизни плотской и весомой.

* * *

Я рад, что знаю вдохновение,
оно не раз во мне жило,
оно легко, как дуновение,
и, как похмелье, тяжело.

* * *

Жаждающих уверовать так много,
что во храмах тесно стало вновь,
там через обряды ищут Бога,
как через соитие — любовь.

* * *

Как мечту, как волю, как оазис —
жду каких угодно перемен,
столько жизней гасло до меня здесь,
что тлетворна память этих стен.

* * *

Когда с самим собой наедине
обкуривал я грязный потолок,
то каялся в единственной вине —
что жил гораздо медленней, чем мог.

* * *

Мне наплевать на тьму лишений
и что меня пасет свинья,
мне жаль той сотни искушений,
которым сдаться мог бы я.

* * *

Волшебный мир, где ты с подругой;
женой становится невеста;
жена становится супругой,
и мир становится на место.

* * *

Надо жить, и единственно это
надо делать в любви и надежде;
равнодушно вращает планета
кости всех, кто познал это прежде.

* * *

Фортуна – это женщина, уступка
ей легче, чем решительный отказ,
а пластика просящего поступка
зависит исключительно от нас.

* * *

Не наблюдал я никогда
такой же честности во взорах
ни в ком за все мои года,
как в нераскаявшихся ворах.

* * *

Лежу на нарах без движения,
на стены сумрачно гляжу;

жизнь – это самовыражение,
за это здесь я и сижу.

* * *

Мы постоянно пашем пашни
или возводим своды башен,
где днем еще позавчерашним
мы хоронили близких наших.

* * *

Горит ночной плафон огнем вокзальным,
и я уже настолько здесь давно,
что выглядит бывшее нереальным
и кажется прочитанным оно.

* * *

Сгущается вокруг тугой туман,
а я в упор не вижу черных дней —
природный оптимизм, как талисман,
хранит меня от горя стать умней.

* * *

Здравствуй, друг, я живу хорошо,
здесь дают и обед, и десерт;
извини, написал бы еще,
но уже я заклеил конверт.

* * *

За то, что я сидел в тюрьме,
потомком буду я замечен,
и сладкой чушью обо мне
мой образ будет изувечен.

* * *

Мне жизнь тюрьму, как сон, послала,
так молча спит огонь в золе,
земля – надевши снежный саван,
и семя, спящее в земле.

* * *

Не сваливай вину свою, старик,
о предках и эпохе спор излишен;
наследственность и век —
лишь черновик,
а начисто себя мы сами пишем.

* * *

Любовная ложь и любезная лесть,
хотя мы и знаем им цену,
однако же вновь побуждают нас лезть
на стену, опасность и сцену.

* * *

Поскольку предан я мечтам,
то я сижу в тюрьме не весь,
а часть витает где-то там,
и только часть ютится здесь.

* * *

Любовь, ударившись о быт,
скудеет плотью, как старуха,
а быт безжизнен и разбит,
как плоть, лишившаяся духа.

* * *

Есть безделья, которые выше трудов,
как монеты различной валюты,
есть минуты, которые стоят годов,
и года, что не стоят минуты.

* * *

О чем ты молишься, старик?
О том, чтоб ночью в полнолуние
меня постигло хоть на миг
любви забытое безумие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.